

Экономика переходит от развития к выживанию

Эксперты обсудили перспективы российских «семи тощих лет»

[19.02.2016Ведомости](#)

Ольга Кувшинова

Экономика переходит от развития к выживанию

А. Махонин / Ведомости

Для населения будущее исчезло – люди не понимают, что будет дальше; для властей издержки возврата экономики к устойчивому росту с помощью давно назревших реформ слишком велики в сравнении с простой альтернативой эмиссионной поддержки экономики, способной вернуть рост на пару лет, - на круглом столе в Высшей школе экономики эксперты обсудили российские перспективы «семи тощих лет» – начавшегося периода низких цен на нефть, сменившего прежние «тучные годы».

Жизнь без подарка

Никакие тощие годы Россию не ждут, рассказал руководитель Экономической экспертной группы Евсей Гурвич. Полный цикл нефтяных цен занимает примерно 30 лет, по 15 лет дорогой и дешевой нефти, цена «на дне» и на пике различается примерно в шесть раз, а в среднем между периодами роста и снижения – в 3,5 раза, просчитал он. Предпоследний пик был в конце 1970-х, последний – в 2011-2012 гг.: исходя из этого начавшийся период низких цен продлится примерно до 2030-х гг. По оценкам Гурвича, текущей точке нефтяного цикла соответствует цена порядка \$50/барр., сейчас она отклонилась от тренда, но будет восстанавливаться, по прогнозу Всемирного банка, до около \$70/барр. к 2025 г. Так что предстоящие годы будут не «тощими», а «нормальной упитанности», заключил Гурвич, просто предыдущий период бурного роста нефтяных цен интерпретировался неверно – как норма, а не как временное явление.

Привыкать к норме сложно: каждый дополнительный \$1 цены барреля приносит России примерно \$3,5 млрд, в годы дорогой нефти она получала до \$200 млрд в год в качестве “подарка”. Доходы бюджетной системы росли до 10% в реальном выражении в год, а теперь за два года сократились на 15%. К уровню 2014 г. они выйдут только в 2025 г., посчитал Гурвич: впереди 10 лет без роста доходов.

При этом рост экономики на 90% зависел от роста цены нефти: долгосрочная проблема – как развернуть угасающий экономический рост. Нужно защищать частную собственность, снимать барьеры для входа на рынок, непреодолимые для всех, кроме “своих”, сокращать долю государства в экономике – суть требуемых реформ давно понятна, проста, и они так же необходимы, как чистить зубы по утрам, сравнил Гурвич. “Понятно, что за каждой такой реформой стоят [препятствующие ей] группы интересов, но заинтересованные должны учитывать и опасности альтернативы – отсутствия реформ”, – подытожил Гурвич.

Скрытая или открытая

Альтернативы отсутствию реформ просчитала генеральный директор Центра развития ВШЭ Наталья Акиндинова. Если цена нефти останется ниже тренда на несколько лет (а так было, например, в 1990-е гг.) – на уровне \$35/барр. – и расходы бюджета придется сокращать ради приемлемого размера дефицита, то ближайшие четыре года экономика России проведет в рецессии, сократившись в общей сложности на 10% к уровню 2014 г. При той же нефти, но без адаптации бюджета, с дефицитом в 5% ВВП, профинансированным за счет эмиссии, экономика способна быстро выйти из рецессии и даже показать рост инвестиций – на пару лет, прежде чем снова погрузиться в спад при высокой инфляции.

Однако других реалистичных вариантов, помимо эмиссионной поддержки экономики, пока не видно, считает председатель совета директоров “МДМ банка” Олег Вьюгин. Финансовая система, работавшая на основе растущего притока средств с внешнего рынка, сейчас “ломается с хрустом”: нефть подешевела, внешний рынок закрыт, внутренние ресурсы ограничены. “Вызов и для публичных финансов, и для благосостояния граждан достаточно серьезный”, – отметил Вьюгин.

При продолжении политики макроэкономической стабилизации и снижения инфляции финансовый рынок быстро лишится многих институтов. Ситуация отягощается доминированием на рынке госструктур и изменить неравные правила игры власти не могут, констатирует Вьюгин. Процесс сокращения финансовых институтов был бы быстрее, если бы не госвливания в банковский сектор – 1 трлн руб. через ОФЗ и еще до 1 трлн руб. средств ЦБ на санацию. По мнению Вьюгина, если цена нефти останется на уровне \$40/барр., власти не смогут провести политику адаптации к этой новой реальности, не прибегая к деньгам: “И, скорее всего, процесс адаптации пойдет через эмиссию – скрытую или открытую”.

Народ безмолвствует

Люди осознали, что кризис всерьез и надолго, свидетельствуют опросы “Левада-центра”: в январе то, что страна в кризисе, заметили 82% опрошенных, 55% экономят на питании и медицинских расходах. Обеспокоенность угрозой потери работы, ростом цен, перспективой обнищания сбивает мобилизационно-возбужденное состояние россиян – патриотический подъем

завершается, рассказал директор “Левада-центра” Лев Гудков. За полтора года готовность поддержать прямую интервенцию в Донбасс снизилась с 74 до 22%.

Но “мобилизационная волна” наложилась на другую, менее заметную, но не менее важную – на завершение перехода от советской системы к демократической, в идеологии которой страна жила последние 25 лет. “Крымский период” стер последние черты этой идеологии, но взамен у большинства возникли ощущения неопределенности и бесперспективности, а у оппозиционно настроенного меньшинства – ожидания социального взрыва, рассказал Гудков. И у тех, и у других – кризис восприятия реальности, считает он. Иррациональные ожидания, что ухудшение положения в экономике вызовет социальный взрыв, который разрушит режим или, по крайней мере, приведет к расколу элит, – это, скорее, проекция собственного непонимания ситуации, сказал Гудков.

“Отношения между оценкой экономического состояния и оценкой политики нелинейны, они опосредованы институциональным контекстом, историческими обстоятельствами, сменой образа врага”, – говорит Гудков. Индекс социальных настроений “Левада-центра” после “крымского” взлета обвалился до минимумов начала 2000-х гг., но из четырех его составляющих рухнули три – оценки текущего положения семьи, страны и ожиданий на ближайшее будущее, оторвавшись от четвертой составляющей – оценки действий власти. Она по-прежнему на исторических максимумах. Произошел “разрыв ожиданий”: несмотря на патриотический подъем и активизацию постимперского синдрома – а с 2014 г. число ощущающих, что Россия снова стала великой державой, выросли почти вдвое, – ожидания продолжительного кризиса задают другой тон отношений к будущему и другой тип реакции. “Будущее исчезло: люди не представляют, чего ждать. Произошла смена модели существования – от роста благосостояния к пассивному выживанию, знакомому еще с советских времен”, – рассказал Гудков. Сейчас основная доминанта настроений – “терпеть”: только 7-10% считают, что жизнь улучшилась, 17% – что терпеть бедственное положение больше невозможно, а 58% – что “жить трудно, но можно терпеть”.

“Это та модель существования, которая будет определяющей на очень долгий период”, – считает Гудков. Очень сильно уменьшился потенциал протеста, особенно личной готовности участвовать в нем. У меньшинства патриотический подъем, связанный с антизападной и антиукраинской пропагандой, привел к “выученной беспомощности” – ощущению того, что сделать ничего нельзя. А у большинства кризис, ощущения неблагополучия, растущего неравенства порождают ресантимент – зависть к более успешным, ощущение общей неблагоустроенности и несправедливости социального порядка, с которым тоже поделать ничего нельзя. Реакция на эти ощущения – не желание изменения политического участия, а критика текущей ситуации через апелляцию к советской системе.

“Предпочтительность советской системы, когда был гарантированный умеренный достаток, является нормозадающим пластом представлений для оценки настоящего положения дел”, – заключает Гудков. Люди живут с ощущением, что они проиграли в результате смены советской системы (50%; 20% считают, что выиграли). Инерционность этого представления (ощущавших проигрыш почти всегда было больше) вместе с ресантиментом будут определять крайне низкий потенциал социального взрыва, считает Гудков.

От развития к выживанию

Перед самым кризисом структура потребления тех, кого можно отнести к среднему классу, стала действительно похожа на структуру потребления среднего класса, рассказала директор по социальным исследованиям ВШЭ Лилия Овчарова. На базовые потребности уходила половина трат, а куда потратить вторую – люди выбирали сами. Эти ресурсы, направляемые на образование, здравоохранение, сферу досуга, могли бы послужить стимулом развития этих отраслей. “Выбор всегда стимулирует экономический рост, и возможность выбора в потребительском поведении улучшает качество человеческого капитала. Перед спадом доходов мы только-только вышли на тот уровень, когда качество человеческого капитала должно было трансформироваться в дополнительный ресурс для роста – и, к сожалению, сделан шаг назад”, – говорит Овчарова. Если шаги назад продолжатся, то очень быстро стандарт выживания, а не развития снова станет преобладающим, заключает Овчарова: “Потому что очень трудно говорить, например, об экономике знаний, когда нет соответствующего потребительского стандарта”.

Если посмотреть на структуру доходов населения, можно найти объяснение, почему оно достаточно спокойно отнеслось к шокам 1992-1993 гг., считает Овчарова. Доля дохода от предпринимательства подскочила почти до 19%. “Каждый зарабатывал как мог, быстро находя себе место на рынке труда, и либерализация торговли создала возможности для такой адаптации”, – говорит она. Сейчас такого потенциала нет: к 2015 г. доля предпринимательского дохода сократилась до 9% при росте доли социальных выплат до 18% – это больше, чем даже в советское время. Нести такой груз при падении доходов бюджетная система не может – что, в частности, может обернуться принятием непопулярных решений, отложенных в “тучные” годы.

«А вообще, если не можем дать денег, то надо понять, что нужно дать свободу. Без денег и без свободы точно не получится – нужно выбирать», – считает Овчарова.

Традиционной поддержкой населению служит неформальная занятость. За последние 15 лет число рабочих мест в экономике выросло на 3,5 млн, при этом в корпоративном секторе – сократилось на 5 млн: т. е. в неформальном секторе было создано 8,5 млн рабочих мест, привел цифры директор Центра трудовых исследований ВШЭ Владимир Гимпельсон. Низкая безработица в кризис, да еще при росте занятости, – заслуга того же неформального рынка труда. Однако заработки там на 10-15% ниже, чем в корпоративном секторе, и низкая безработица при двузначном падении реальных зарплат – это примерно как хорошо работающая левая рука при отсохшей правой, сравнил Гимпельсон: говорить, что в среднем с человеком все в порядке, как говорят чиновники о состоянии рынка труда, – довольно странно.

Как развивается кризис

Экономические кризисы в авторитарных режимах не всегда сопровождаются политическими – зависит от того, как проходит адаптация (любая адаптация – это чьи-то потери), говорит политолог Кирилл Рогов. Пример тому – конфликт с дальнобойщиками: государство хочет сократить свои издержки на инфраструктуру, задействовав механизм концессий и тем самым поддержав элиты, но при этом не учитывает, что у неформального сектора издержки уже очень велики и он чувствует себя

хуже, чем экономика в среднем, – социальная прочность этого сектора не просчитана, потому что о нем не знают ничего, сравнил Рогов.

В годы бума государство консолидирует ренту, что создает давление в пользу увеличения распределения, отчего падают инвестиции, вытесняемые госсектором, и в конце концов наступает период, когда нагрузка на госфинансы становится очень велика, описывает он типичное для развивающихся нефтяных стран развитие кризиса. Когда режим перераспределяет много, он пользуется поддержкой населения, что принуждает элиты к выбору стратегии лояльности как безальтернативной. И наоборот: снижение поддержки со стороны населения делает выбор элит в пользу конфронтационных стратегий более рациональным, снижение лояльности элит понижает эффективность режима и ведет к еще большему снижению поддержки населения. Как будет развиваться ситуация в России – неизвестно, но инерционный сценарий вовсе не основной – ставки для игроков возрастают, делая их действия более активными, заключает Рогов.